

нию посвящая диалог поколений – наследники памяти.

Александр Михайлов, уроженец нашего Заполярья, фронтовик, известный литературный критик размышляет о судьбе своего поколения. Обращаясь к солдату, что «убит подо Ржевом в безымянном болоте...», ветеран на исходе собственной жизни, по сути, исповедуется. Гордость за своё фронтовое братство мешается с горечью: они, фронтовики, упомынные великой Победой, наступившим долгожданым миром с азартом взялись за соиздательную работу, за обустройство и укрепление Родины, и того

ПРАВОСЛАВНУЮ!»

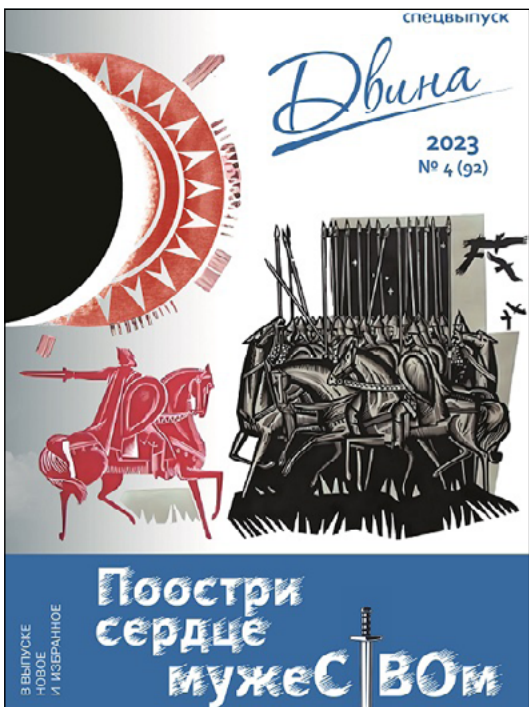
не заметили или не захотели замечать, что многое в державе меняется не к лучшему – национальные русские традиции подменяются чужеродными, народная нравственность замещается пустопорожним лозунгом, а во власти и партии полно продаждимцев и прилипал...

Валерий Чубар, автор статьи «Дальше от Победы», по отношению к фронтовику, скорее, из поколения внуков. Но в осмыслении последних десятилетий во многом поддерживает старого солдата, добавляя свои краски и образы.

Поколение сыновей фронтовиков до известной степени представляет воложанин Юрий Максим. Уже за рамками публицистического диалога печатается его эпистолярная повесть о мужской дружбе «Две судьбы». В переписке двух ровесников отражено время – конец тысячелетия и начало нового века. Для читателя зрелых лет – здесь реалии знакомые и памятные, для молодых, как бойцы СВО, тут открыты юность и молодость их родителей, а такое всегда сближает поколения.

Раздел, посвященный СВО, открывается цветное фото освобождённого Мариуполя. Юная пара на фоне руин и уже отстраивающихся домов. Образ этой пары в разных вариациях будет возникать на всех последующих страницах этого номера.

«Я родился в Авдеевке, – так начинается публикация Виктора Петрова, поэта и публициста. – Воинская часть отца стояла на станции Успенской, где он встретил мою маму и, когда той пришло рожать, отвёз её для надёжности в авдеевский роддом». И далее: «Моя семья кочевала по военным городкам Союза. Каждое лето проводил в Успенке, где петухи распевали на две стороны – русскую и украинскую. Наша хата стояла на меже родственных земель. Живя с отчуждения на Дону, многое увидел и узнал. В юности довелось служить ракетчиком в прикарпатских лесах да болотах.

А журналистская моя стезя начиналась в заводской многотиражке города Мариуполя...». Подборка стихов Виктора Петрова пронизана запахами полыни, чабреца и... тротила. А ещё здесь, словно «Неопалимый жаворонок» (это раздел подборки), выётся в поднебесье образ любви:

*Когда тебя караулит
командантский час
И ты, срывая дыхание,
спешешь домой,*

ГВОЗДЯМИ ДЛАНИ...»

Верецагине – поэте русской Эстонии

ни к матери, ни к христианской любви к человеку, нет сомнений в готовности бороться за свою любовь до смерти... Универсализм восприятия и эсхатология высоких смыслов – вот качество русской литературы и поэзии. Они выявлены присутствуют в творчестве Геннадия Верецагина, зрели в нём долго, незаметно для него самого в течение многих десятилетий. Зрели в угольно-металлургическом Донбассе его детства, в юношеском Донецке, где в консерватории был даже такой многомульный инструмент – полноценный орган, как в Москве и в прибалтийских столицах, в Москве, где учился он в Высшей комсомольской школе с её невероятно интересным, воистину всемирным студенчеством, куда попадали лишь избранные, а он-то – из простой шахтёрской семьи тётушки-труженицы, отдавшей ему свою жизнь, восторженной на свою невеликую зарплату и воспитавшей на истинно материнской любви...

Внутренняя незримая работа шла, когда служил армейскую срочную, когда был на комсомольской работе в совершеннейшей «тёмутаркани» в холодных заснеженных краях, или когда учителемствовал и когда судьба занесла в Эстонию. И когда рухнула великая страна, а надо было оставаться с семьёй, с детьми, поднять их в злые, лихие постсоветские годы, когда выбирать себе работу в сугубое удовольствие не приходилось... При этом не переставал читать, читать, читать... Меня всегда удивляли его эрудиция и знания, невероятно цепкая от природы память, а главное – жажда познания...

Он начал писать, когда было за сорок... Просто потому, что хотелось писать и высказать наболевшее на душе. Будь это гражданское накала борьба с несправедливостями или переполняющая любовь к Отчеству и к «его пробаам» (А.С. Пушкин), или невеста откуда взявшаяся сладкая боль от увиденной зари в вёчор или на раннем росном утре, или прибалтийское ноябрьское ненастье со сълякото и горячей чашкой кофе в уютном кафе, или февраль-выюги по старинным городским улочкам

Валерий СДОБНЯКОВ

время которой двое его сокурников тоже собирались впервые причаститься, а третий ещё и принять крещение.

Первое в жизни причастие поставило окончательную точку в отношении Павла к Церкви. Вот как об этом описывается в романе.

«Но стоило выйти за ворота Лавры и повернуть направо, а затем, минув площадь для кормления голубей, спуститься по ступеням и двинуться по широкой дорожке вдоль высоченной побелённой монастырской стены, с другой стороны ограниченной крутым склоном, заросшим коврами клёнами и кустами, – с ним что-то определённо началось.

Сначала просто показалось, что в голову ударил хмель от чистого весеннего воздуха, удивительно ясного неба, ослепительно солнечного дня, хотя было довольно прохладно. Однако вскоре заметил, что опьянение это было совершенно иного свойства. Схожесть с обыкновенным опьянением была лишь в том, что обычно испытываешь в первые минуты, когда хмель слегка вскружит голову и даже развеселит, но потом, позже, непременно наступит усталость, затуманится мозг, захочется прилечь. Тут же был вроде бы тот же хмель, но при этом сохранялся совершенная ясность мышления. Он даже не заметил, когда прошла усталость. Только что, казалось, ныла спина, казались налитыми свинцовой тяжестью ноги, давило на плечи, а теперь было так легко, что в пору лететь.

После исповеди он чувствовал всего лишь облегчение, как будто с него сняли тяжёлую ношу, отчего хоть и была радость освобождения, однако не было той солнечности, которую переживал теперь. Изменение душевного состояния помимо его воли, разума, каким-то непостижимым образом произошедшее в нём, было до того удивительным, воздушным, естественным, только отчасти подобным утренимому пробуждению в то ясное солнечное утро далёкой послеполуденной весны, когда он впервые проснулся не в казарме, а дома, с чувством необыкновенного блаженства

Молю Всевышнего,
чтобы сохранил и нас
Расстрельный город,
терзаемый осадной тьмой.

Прямая переписка с этими строфами – рассказ молодого прозаика Максима Васюнова «Осколки». На терзаемых снарядами улицах прифронтового Донецка его герой встречает свою любовь. Война страшна, беспощадна, непреклонна... Но любовь оказывается сильнее войны.

И слово продолжение той же истории – рассказ Светланы Дурягиной «Время любить».

Немолодые уже волонтеры – он доктор, она бывшая учительница – встречаются на пути в прифронтовой госпиталь и, добросовестно потрудившись там, отдавая знания и сердца раненым бойцам, решают не расставаться....

Как будет складываться наша жизнь дальше, ведает только Господь Бог. Но выбор нередко остаётся за человеком. О том мой рассказ «Русские горки». Далеко занесены профессиональной необходимостью два лётчика междунароных линий – аж на другую сторону планеты. Ещё, кажется, дальше их – русского и украинца – развела судьба, точнее межгосударственная рознь. Вместе учились, дружили, а теперь, по сути, враги. Как такое может быть в одном экипаже, и как быть, когда возникнет нештатная ситуация? Это не просто риторические вопросы. Во время рейса наступает роковой час – час выбора. Что победит – вражда или память, злоба или любовь, равнодушие или человечность?..

На стороне России правда. О том свидетельствуют многие публикации номера и тот тон, которым исполнены эти стихи, рассказы, очерки. Единство в поэтическом дыхании и единство в нежности к Родине – вот безусловный показатель праведности.

А ещё в этом номере идёт прямое обращение к нашим славным предкам. Образы святых воинов, представленные на 2-й и 3-й страницах обложки: Владимира – Крестителя, Илии Муромца, Александра Невского, Дмитрия Донского – сопровождаются молитвами к ним. Святой воин – лучший ходатай перед Господом Богом за всех тех, кто ныне совершает ратный подвиг на поле праведной брани.

С нами Бог! Победа будет за нами!

Владимир ИЛЛШЕВИЧ

кам Пярун – древнего города екатерининских лип и в продуваемых ветрами улочках черепично-пряничного Ревеля-Таллина, бывшего когда-то славянской Кольваанью на путях с седой Балтики к Чёрному морю, где Великий шёлковый путь с длинными караванами...

Поэт Геннадий Верецагин эмоционален. «Что для вас эмоции, Владимир Андреевич?» – спросил я как-то у замечательного московского поэта и во всём настоящего аристократа духа Владимира Кострова, с которым близко дружил.

«Без эмоций и сантиментов нет и самой поэзии, нет образов, метафор. Бог всей русской литературы – Эрик, а не Эстетик, и как выразить образы без их переживания...» Поэт предвосхищает грядущее. Даже не формулирует в рациональном изложении свои предвосхищения. Наука – это всегда о минувшем, об опыте. Поэзия – о будущем, даже если говорит о прошлом...

Верецагин – поэт отчаянный в полноте стихии и в стихийной полноте, в осмысленности явлений вне времени и во времени, в яркой и напряжённой эмоциональной струне поэзии. В его слова вслушиваются... Оттого и признание пришло быстро. Он автор семи книг стихов, множества циклов, публикуемых в литературных изданиях Эстонии, России («День литературы» и «Российский писатель» в Москве, «Родная Ладога» в Петербурге) и других стран; лауреат Северянской премии по культуре, основанной Русской фракцией эстонского парламента в 2000-х, международной премии имени Ф.М. Достоевского по литературе, был награждён премиями соотечественных организаций в начале 2010-х...

Поэтом быть временно невозможно. Это – навсегда. Навсегда и для Геннадия Верецагина.

Стихи Вячеслава Девяткова напоминают мне «вертикальный монтаж» Сергея Эйзенштейна. Всемирно известный режиссер практически всю свою жизнь находился под восточным влиянием. (Знавший около трехсот иероглифов, Эйзенштейн без конца обращался к ним не только в теоретических работах.)

Поэт преподносит этот метод, как «сверхпозиционный»: точное, мгновенно схватывающее и раскрывающее ситуацию описание плюс автономный, внешне независимый образ, соединенный с темой стихотворения не прямой, ассоциативной связью:

*С ума ли сойдя,
с корабельного трапа ли,
О том ли, о сём ли моли и скорбя,
Как здорово вдруг
очутиться в Неаполе.
И там погрузиться в мечты и в себя.*

Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ

В этих четырех строчках последовательно исчезают – как бы растворяются в природе – привычные нам категории пространства, времени, идентичности. Присутствие поэта не связано с местом, оно условно: жизнь везде и всюду! Это место возникает из хаоса поэтического воображения: море, Неаполь, корабль. Мир становится отправной, а не конечной точкой жизненного пути и стихотворения. Время становится бессмысленным, «с ума ли сойдя, с корабельного трапа ли», хронология отсутствует, как нет её для распускающихся и отцветающих цветов.

Вячеслав открывает нам то, что нельзя не открыть, – вечность. Стихи, как волны, настигают между искусственным и естественным; стихи, как часть пейзажа – между долгим и кратким...

Что живёт дольше – человек или корабль, мифическое море или воображаемый Неаполь, мечты или волны? На Западе всё опирается на платоновские идеи. Поскольку эти идеальные образы мира располагались в недоступном искусству метафизическом пространстве, художники Ренессанса вынуждены были без конца исправлять Платона. Оправдывая своё искусство, они утверждали, что красота позволяет человеку проникнуть в царство идей. Красота как солнечный луч: луч – не Солнце, но он передает нам представление о совершенстве солнечного света. Так и искусство изображает видимый мир лишь для того, чтобы привести нас к невидимому.

*Волна волос твоих накроет,
Как аромат пьянящих снов;
Душа летит на чей-то зов,
Как будто зов чезо-то стои!*

Платон называл творчеством всё, что вызывает переход из бытия в бытие. Отсюда следует, что художник своим произведением создает вторую природу по образу и подобию Того, Кто создал первую.

На Востоке художник участвует в природе, выявляя разлитую в ней гармонию, непрерывной частью которой он является. Хрестоматийный пример этой восточно-западной техники у Вячеслава Девяткова:

*Всю мою жизнь наполняют
глупости и наслаждения:
Женщины, пенie, виски,
суфийские колдования,
Бубны, гипноз и оружие,
магия, фотоискусство,
Общение с духами кладбищ,
разные вкусы и чувства.*

*Сирини и гамаюны,
поиски истин и смыслов,
Живопись, кошки урчанье,
музыка, запахи, числа,*

*Дактиль, хорей и анапест,
гекзаметр, ямб, амфибрахий,
Письма Вселенной и радость,
счастье, сомненья и страхи.*

*Всё это очень сравнимо
с течением и ожиданием,
Волнением и превращением,
рождением и увяданием,
Спокойствием и озарением,
наивностью и удивлением,
Величием, воспоминанием,
прекрасным волшебным
мгновением.*

Силой своего воображения поэт увлекает из небытия самые разные чувства. На глазах читателя все эти «забавы» расцветают нежными лепестками поэтической фантазии. Поэт без особого труда преодолевает реализм, в котором ему не хватает энергии движения.

не обогатит сознание читателя, а изменить его.

*Ударил зычно корабельный колокол,
Пора! Пора тебе в последний путь,
Но в памяти останешься*

*ты облаком,
Всё остальное так себе. Забудь!*

Тут надо говорить не о «смерти автора», а о растворении поэта в им же созданном, точнее – составленном образе мира. Стихи создают условия для прыжка вглубь – стихи замолкают, подводя читателя туда, куда можно проникнуть лишь в одиночку. На свой страх и риск.

Каждая деталь стихотворения подталкивает нас в нужном направлении, но она лишена одномоментности дорожного знака. Указывая путь, вещь не перестает существовать во всей полноте своего неисчерпаемого и непередаваемого бытия. Именно этот метафизический остаток по-

Вертикальный монтаж

О творчестве тюменского поэта Вячеслава Девяткова

На смену приходит то, что в прошлом веке определяли, как вортизм. Vortex, метафору, давшую название этому направлению, следует переводить и как водоворот, и как вихрь. Vortex – образ, насыщенный динамикой.

Не обычная картинка, а сила, втягивающая чувства и мысли в психологическую воронку. Образующееся при этом вихревое движение перемещает образы стихотворения не только поступательно – вдоль сюжета, но и вращает их вокруг собственной оси.

*По кругу! Все мы движемся кругу,
Но если вдруг сбивает с мысли круг,
То можно взять вина
и двинуть к другу,
Дождаться лета и махнуть на юе!*

Слова становятся светящимися деталями, излучающими семантическую

звонящую поэту высказывать мудрость мира на его, понятном лишь поэту, языке.

Вячеслав Девятков создает в читательском воображении мизансцену, обставляет её декорациями, задаёт ситуацию и отходит в сторону. Представленные сочинения – как детектив: читателю предлагают улики, из которых тут вправе выстраивать свою версию. (Правда, верного ответа тут быть не может, ибо одно прочтение не отменяет других.) Распутывать этот ребус-коан можно с любого места:

*Там деревья качаются кроны,
И цветет в человеческий рост,
А над синей рекой для влюблённых
Там натянут веревочный мост.*

Поэт изменяет время, вписав свои стихи о нём в этот самый пейзаж. Цепь ассоциаций удлиняется и обогащается.

энергию во все стороны. Из них создаётся та новая поэзия, что опирается и на практику восточного стихосложения, и на его эстетику. Не случайно стихи Вячеслава Девяткова находят своих поклонников в самых разных сферах человеческого жизнедеятельности – от президента нефтеналивной компании до светского обозревателя столичных подмоствок.

Отбирая нужные стихи предметы, поэт использует повседневный свой опыт, в котором создается целостный образ прожитого дня и сознательно и бессознательно выбранных впечатлений. Поэзия метафор связывает мир воедино в воображении поэта. Поэзия вещей предлагает читателю набор предметов, из которых он сам должен составить целое. Только читатель может установить эту невыразимую словами связь, связь между вещами и чувствами, которые они вызывают.

Такая поэзия позволяет нам услышать непроизносимое. Она стремится

Вячеслав Девятков не только вспоминает стихи своих предшественников на том самом месте, где они остановились, но и продолжает этот путь. Так пространство, насыщенное временем, превращает природу в культуру, делая стихи смыслом и природой, и культуры.

*И времена когда-нибудь пройдут,
И звёзды новый облик обретут,
И вместе лета снизойдёт зима,
И весть напомят, что такое тьма!*

Годы сжимаются до неузнаваемости. Дня цветов и ветра нет времени. Сколько нужно цветку, чтобы распуститься? Сколько нужно поэту, чтобы прийти к просветлению? Как сопоставить века с быстротекущей жизнью поэта, чтобы понять то, о чём он рассказывает?

Да и вечность, если разобраться, срок этот весьма условный, как и всё на белом свете. Будут другие цветы, и другие поэты, и даже другой Вячеслав Девятков, потому что истины не меняются от того, кто на них смотрит.

заться? Ему предлагают, он отказывается. Вот если бы обязывали, тогда бы нельзя было отказаться, не нарушив статей Уголовного кодекса, которые для того и вписывали, чтобы заранее об ответственности за необоснованный (например, захочу и не пойду в армию служить) отказ предупредить. А тут как бы предлагался выбор, участие в котором или отказ, собственно, ни к чему не обязывал.

И тогда, ещё не веря в такую нечаянно представившуюся возможность, как единственно правильный в его казавшейся безвыходной ситуации выбор, Павел вернулся и сначала медленно и нерешительно, словно боясь, что наблюдавшие за ним откуда-то сверху сотрудники всемогущего ведомства его сейчас оклинут, а затем всё быстрее и решительнее пошёл прочь.

И хотя с каждым шагом прежняя смута в душе боролась с принятым решением, у него было такое же чувство, когда получил в газете «Автозавод» свой первый гонорар. Так же, как и тогда, он не только никого и ничего не замечал вокруг, но и не знал, к чему всё это в итоге приведёт, а на душе было так же победоносно, как если бы вместо погибшего деда он принял участие в обороне Сталинграда и чудом остался жив».

И, наконец, обещанное в начале статьи. Параллельно церковному причастию в романе Владимира Чугунова изображается причастие Павла и его сокурников к миру русской словесности, которая, разумеется, не с Великой Октябрьской революции началась и ею не закончилась.

Представлением содержания романа Владимира Чугунова в такой подробности я даю читателю возможность ощутить время перелома, к которому тогда подошла Россия. Новое поколение думающих и ищущих «русских мальчиков» вновь вышло на новый рубеж в истории государства. И по самому крупному счёту, теперь это совершенно ясно, оказались его спасителями.

Испытав все пороки атеистического общества, разочаровавшись в мертвящем пропагандистском дурмане партийного коммунистического официоза, они трудной дорогой, блуждая и теряясь, пришли к свету. Пришли к причастию.

Это то поколение молодёжи, которое сквозь лишения, жертвенно, вернуло Россию к истинному духовному началу – вечному её пути. Мы ещё даже не в состоянии осмыслить величия совершённого ими. Совершенного подвига ради духовного возрождения Отечества.

Они оказались истинными наследниками!